

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ
ОБРАЗА «ДОМА ПОЭТА»
В КНИГЕ К.К. СЛУЧЕВСКОГО
«ПЕСНИ ИЗ УГОЛКА»¹

Е.А. Тахо-Годи

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН
Библиотека-музей «Дом А.Ф. Лосева»*

Аннотация: Автор рассматривает поэтическую книгу поэта-предсимволиста К.К. Случевского «Песни из Уголка» (1902) с учетом традиции изображения «дома поэта» в русской литературе XIX – начала XX столетия (Г.Р. Державин, К.Н. Батюшков, Е.А. Боратынский, П.А. Вяземский, М.А. Волошин), акцентируя внимание на своеобразии позиции К.К. Случевского. Парадоксальное отсутствие описания самого дома в книге «Песни из Уголка» связано с представлением поэта о земном мире и всей вселенной как об истинном доме поэта. Показано, что в дальнейшем в сознании поэта-предсимволиста вполне традиционный мотив «дома поэта» получает религиозно-философское осмысление, что наиболее очевидным становится в последней книге стихов «Загробные песни», где единственным «домом» оказывается не «земной дом», пусть даже «дом поэта», а мир потусторонний.

Ключевые слова: история русской литературы, предсимволизм, К.К. Случевский, Е.А. Боратынский, М.А. Волошин, поэтическая книга «Песни из Уголка», «дом поэта», религиозно-философские воззрения.

Поэтическая книга К.К. Случевского «Песни из Уголка» вышла в 1902 году и включала тексты, создававшиеся с 1895 по 1901 год. На-

¹ Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 17-18-01432).

звание ее вполне автобиографично – именно в это время К.К. Случевский строит на побережье Балтийского залива (возможно, в одном из самых его красивейших мест), рядом с устьем впадающих в залив двух рек – Нарвы и Россони, – дачный дом, названный им «Уголок».

Выбор названия неслучаен: в эпоху неоромантизма воскресают не только наименования альманахов романтической поры вроде «Денницы» или «Северных цветов», но и соответствующие названия дач/усадеб поэтов и художников, как репинские «Пенаты», заставляющие вспомнить об оленинском «Приютине», под кровом которого также собирались литераторы и художники. Таким образом, перед нами вполне сознательная попытка восстановления определенной культурной и литературной традиции эпохи конца XVIII – начала XIX века, когда с приходом сентиментализма и романтизма актуализируется противопоставление простого укромного «уголка», сельского домика на лоне природы и городской суеты с ее стремлениями к богатству и мирской власти².

Одним из ярчайших примеров такого рода были, безусловно, «Мои пенаты» К.Н. Батюшкова – причудливый синтез руссоистской традиции, французской «лёгкой» поэзии XVIII века, идей Жермены де Сталь. В контексте избранной темы важно подчеркнуть, что батюшковские «Мои пенаты» – это не просто дом, но именно «дом поэта», и домик свой поэт хоть и не подробно, но описывает:

В сей хижине убогой
Стоит перед окном
Стол ветхий и треногой
С изорванным сукном.
В углу, свидетель славы
И суеты мирской,
Висит полузаржавый
Меч прадедов тупой;

² Об этом см.: *Тахо-Годи Е.А.* Мотив «уголка» в поэтической символике «Песен» К.К. Случевского // Целостность и внутренняя организация в произведениях русской литературы XIX – начала XX века. Межвузовский сборник Дагестанского государственного университета. Махачкала: ДГУ, 1993. С. 64–79; *Тахо-Годи Е.А.* Константин Случевский: портрет на пушкинском фоне. СПб.: Алетейя, 2000. С. 209–223; *Тахо-Годи Е.А.* Некоторые размышления о концепте «уголок» // *Colloquium: Международный сборник научных статей* / Под ред. У. Перси, А.В. Полонского. Белгород – Бергамо: БелГУ, 2005. С. 59–78.

Здесь книги выписные,
Там жесткая постель —
Все утвари простые,
Все рухляя скудель!³

Этому батюшковскому образцу последует и А.С. Пушкин в лицейском стихотворении «Городок» (1815), живописуя собственное поэтическое уединение.

Книгу К.К. Случевского вполне можно рассматривать как продолжение этой традиции, однако не только ее. Нельзя не вспомнить и о других опытах запечатлеть «дом поэта», и тут, конечно, одним из первых должен быть помянут Г.Р. Державин и его Званка, воспетая в стихотворении «Евгению. Жизнь Званская» (1807)⁴. Утро, день, вечер в Званке завершаются раздумьями поэта, развивающими горацанскую тему жизни на лоне природы также в горацанском духе, но уже в духе Горациевой XXX оды к Мельпомене («Ехегі monumentum aere perennius...»), вдохновившей Г.Д. Державина на создание оды «Памятник» («К Музе. Подражание Горацию», 1795). В финале стихотворения «Евгению. Жизнь Званская» возникает мотив памяти о поэте, о том, что будет служить ему памятником, когда не станет на земле ни самого поэта, ни воспетого им дома. Эти державинские раздумья также вполне свои в книге К.К. Случевского.

Но определяя ряд предшествовавших К.К. Случевскому создателей образа «дома поэта», интереснее сопоставить его книгу 1902 года, пожалуй, с единственной цельной поэтической книгой первой половины XIX века (подчеркну именно книгой, а не сборником⁵) — с «Сумерками» Е.А. Боратынского. У Е.А. Боратынского замкнутый домашний мир, в котором поэт заключил себя, словно в гробе или в

³ Батюшков К.Н. Опыты в стихах и прозе / Издание подготовила И.М. Семенко. М.: Наука, 1977. 261 с. (Сер. «Литературные памятники»).

⁴ См.: Галимуллина А.Ф. Образ Дома в поэзии Г.Р. Державина и М.Н. Муравьева // Муравьев и его время: сб. статей круглого стола «Муравьев и его время» / Под ред. А.Н. Пашкурова и А.Ф. Галимуллиной. Вып. 5. Ч. 2. Казань: РИЦ «Школа», 2008. С. 88–107; Зыкова Е.П. Поэма/стихотворение о сельской усадьбе в русской поэзии XVIII – начала XIX вв. // Сельская усадьба в русской поэзии XVIII – начала XIX века / Сост., вст. ст. и комм. Е.П. Зыковой. М.: Наука, 2005. С. 3–36.

⁵ См.: Альми И.Л. Сборник Е.А. Боратынского «Сумерки» как лирическое единство // Вопросы литературы. Метод. Стил. Поэтика. Вып. 8. Владимир, 1973. С. 23–28; Дарвин М.Н. Художественный мир «Сумерек» Е.А. Баратынского // Дарвин М.Н. Русский лирический цикл. Красноярск, 1988. С. 97–119; Рудакова С.В. Книга стихов «Сумерки» Е.А. Боратынского как лирическое единство. Saarbrücken: LAP LAMBERT, 2011. 250 с.

Лете (стихотворение «Князю Петру Андреевичу Вяземскому»), ни в коей мере не препятствует свободе поэтического воображения: поэтическая мечта охватывает не только все мировое пространство – от небес до преисподней, но разные исторические эпохи – от античности до XIX столетия, от гомеровских и библейских времен до современных журнальных сшибок, меняя интонацию от торжественной до лирической, от интимной до иронически-колко-язвительной.

Все это очень близко «Песням из Уголка» К.К. Случевского, у которого мы видим ту же смену регистров: пейзажные зарисовки вдруг перебиваются эпиграммами на современность, а эпиграмматические строки, в свою очередь, историческими картинками то из средневекового быта, то из времен правления Петра Первого. Но что больше всего роднит эти две книги, отдаленные друг от друга полувеком, так это отсутствие описания самого дома. У Е.А. Боратынского в «Сумерках» вообще нет ни образа дома, ни самого этого слова «дом». У К.К. Случевского в 184 стихотворениях книги слово «дом» встречается лишь 11 раз.

По наблюдениям современных историков философии и культурологов, «философское осмысление образа дома задает различные аспекты рефлексии данного феномена: 1) Физический: дом как здание, произведение архитектуры; 2) Метафизический: дом как топос, место-значение, жизненное пространство, обитаемый мир; 3) Онтологический: дом как основа человеческого бытия; 4) Антропологический: дом как место становления человека; как экзистенциал; 5) Аксиологический: дом как ценность и как средоточие системы ценностей; 6) Социальный: дом как место утверждения человека в социуме; 7) Психологический: дом как место проявления и удовлетворения основных душевных потребностей человека; 8) Культурологический: вещный быт дома и бытие в нем как феномен культуры; 9) Системно-структурный: дом, человек, Вселенная как части одной системы Мироздания, обладающие единоподобием; 10) Синергетический: дом как преодоление хаоса и упорядочение пространственной среды»⁶. В принципе, если мы с такой точки зрения проанализируем книгу К.К. Случевского, то мы найдем те или иные ответы ко всем этим десяти аспектам рефлексии образа «дома», но в большинстве случаев самого концепта «дом» в них не будет. Дело в том, что

⁶ Рымарович С.Н. Дом в философской картине мира // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2012. № 2 (102) С. 121.

о собственном доме – о его создании и дальнейшей судьбе – речь идет только в трех стихотворениях («Здесь счастлив я, здесь я свободен...», «Мой сад оградой обнесен...», «Да, да! Всю жизнь мою я жадно собирал...»)⁷. Правда, эти три стихотворения являются своего рода композиционно-смысловым каркасом сборника – недаром они помещены в начале и ближе к середине книги. К концу книги автор перестает быть обладателем «дома» как замкнутого, отъединенного пространства – «дом» как таковой окончательно исчезает, уступая место всему миру. Об этом лучше всего свидетельствует предфинальное стихотворение книги «Здесь все мое! – Высь небосклона...», где весь мир, вся вселенная и оказывается, по сути, домом поэта. В сущности, в этом и заключается главный парадокс книги К.К. Случевского, остающийся, однако, практически не заметным для его читателей и исследователей.

Отсутствие реально описываемого дома в «Сумерках» Е.А. Боратынского не столь принципиально, так как поэт, в конце концов, выносит в заглавие книги слово, способное нести не только конкретное топографическое или хронотопическое значение (название реки Сумерь, беседки, где можно сумерничать⁸), но и отвлеченное, переносное – сумерки жизни, сумерки романтизма, сумерки поэзии. Иное дело К.К. Случевский, выносящий на обложку книги название своего дома и для подтверждения этого, чтобы у читателя не возникало никаких сомнений на этот счет, воспроизводящий на обложке его реальную фотографию⁹. Как объяснить такой парадокс?

Конечно, можно просто поставить акцент на первое слово в названии книги – песни. Действительно, перед нами плоды творческих раздумий поэта, песни, родившиеся в «Уголке» или благодаря ему, навеянные, прежде всего, природой, окружающей дом, и историей этих мест. Однако, как представляется, глубоко принципиальным является утверждение самого поэта о том, что он решил задачу всех задач – «воздвиг дом в стране бездомной» (с. 248). При-

⁷ Стихотворения К.К. Случевского цитируются с указанием страниц в скобках по изданию: *Случевский К.К. Стихотворения и поэмы / Вступ. статья, сост., подготовка текста и прим. Е.А. Тахо-Годи. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2004. 816 с. (Сер. «Новая Библиотека поэта»).*

⁸ См.: *Лебедев Е.Н. Тризна: книга о Е.А. Боратынском. СПб.; М: Летний сад, 2000. С. 56.*

⁹ Кстати сказать, составить представление о доме К.К. Случевского можно только по воспоминаниям современников и этой фотографии, потому что от дома поэта ничего не сохранилось – лишь заросший травой порог.

чем, как вскоре выясняется, задача эта решена лишь на краткий срок, потому что поэт более чем уверен, что «что жизни смысл и назначенье в том, / Чтоб сокрушить меня и, мне вослед, мой дом» (с. 270).

В фельетоне 1909 года «Попы, жандармы и Блок» В.В. Розанов, придираясь к блоковским словам о том, что после землетрясения погибла половина Сицилии, писал: «...обыкновенные все люди жалуют каждый домик, а ученые и советуют строить дома в таких местах плоскими, низкими, не многоэтажными: тогда землетрясение не будет сопровождаться таким разрушением зданий и столькими смертями под обломками их. Но петербуржец Блок скачет через головы всех этих и объявляет, – “чего жалеть”, – что половина Сицилии разрушена. Почему это он так сказал? Да потому, что ему все равно, а задача чтения – внушение ужаса читателю – требовала, чтобы разрушилось как можно больше! Мне кажется, раз произошло такое несчастье, кощунственно даже в мысли, даже в слове сколько-нибудь его увеличить. “Вот еще домик сохранился” – это обязательно для глаза, для телеграммы, для рассказа, для науки, для всего, кто человек и сочувствующий.

Суть-то декадентов в том и состоит, что они ничего не чувствуют и что “хоть половина Сицилии провалится, то тем лучше, потому что тем апокалиптичнее”. Им важен Апокалипсис, а не люди; и важно впечатление слушателей, а не разрушение жилищ и гибель там каких-то жителей»¹⁰.

Не декадентство ли тогда перед нами в стихах К.К. Случевского или какое-то его предвестие? Думаю, что нет. И мысль тут иная, чем та, которую осуждал у А.А. Блока В.В. Розанов.

В свое время еще В.О. Ключевский в «Курсе русской истории» отмечал, что уют и дом не характерны для русского мира в целом, ибо Русь искони была деревянной, и пожары приучили русский мир не слишком привязываться к своему жилищу: «продолжительная переселенческая бродячестъ прежних времен и хронические пожары, – обстоятельства, которые из поколения в поколение воспитывали пренебрежительное равнодушие к домашнему благоустройству, к удобствам в житейской обстановке»¹¹. Может быть, поэтому русским поэтам или неуютно в доме, или им приходится

¹⁰ *Розанов В.В.* Попы, жандармы и Блок // Новое время. 1909. № 11. 16 февраля.

¹¹ *Ключевский В.О.* Курс русской истории // Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. 1. М.: Мысль, 1987. С. 87.

творял и душу им, и дом»¹⁵. В сущности, именно эта открытость – временам и людям – оказывается одной из важнейших характеристик любого «дома поэта» – будь то батюшковские «пенаты», куда могут прийти все, готовые к дружбе и любви; добровольное уединение Боратынского; «Уголок» Случевского или блоковский «пушкинский дом Академии наук» 1921 года, где сказано обо всем – о реке, о памятнике Петру, о свободе, о грядущих временах, о поэтическом творчестве, но только не просто о «доме». Кажущееся исключением из этого правила своей описательной, почти эпическим подробностью волошинское стихотворение 1926 года «Дом поэта» («Дверь отперта. Переступи порог...»)¹⁶ на самом деле исключением не является. Недаром один из поклонников волошинского творчества, Евгений Архиппов, описывая в письме владикавказский дом поэтессы Веры Меркурьевой подчеркнет уже в 1930-е годы, в письме Д. Усову от 6 августа 1931 года: «Дом (комната) Верочки – тоже Дом Поэта. Он – на каком-то скрещенье дорог»¹⁷, то есть это скорее не дом, а какой-то перекресток, через который проходит неистощим поток людей, для которых он открыт.

Вполне очевидны параллели волошинского текста с «Песнями из Уголка» К.К. Случевского¹⁸:

К.К. Случевский «Песни из Уголка»	М.А. Волошин «Дом поэта»
Я видел Рим, Париж и Лондон, Везувий мне в глаза дымил, Я вдоль по тундре Безземельной, Везом оленями, скользил. (с. 287)	Я много видел. Дивам мирозданья Картинами и словом отдал дань...

¹⁵ Там же. С. 365, 362.

¹⁶ Стихотворение М.А. Волошина цит. по изданию: *Волошин М.А. Собрание сочинений* / Под общей редакцией В.П. Купченко и А.В. Лаврова, коммент. В.П. Купченко: В 13 т. Т. 2: Стихотворения и поэмы 1891–1931. М.: Элис Лак, 2004. С. 78–82.

¹⁷ *Архиппов Е.Я. Рассыпанный стеклярус. Сочинения и письма: В 2 т. / Сост., подгот. текста, статья и коммент. Т.Ф. Нешумовой. Т. 2: Письма. М.: Водолей, 2016. С. 355.*

¹⁸ В комментариях к этому стихотворению М.А. Волошина в собрании сочинений поэта отмечена лишь одна параллель: «<...> мой дом ~ хранил права убежища... – Волошину довелось реализовать пожелание другого поэта – К.К. Случевского: “Я дом воздвиг в стране бездомной, Решил задачу всех задач, – Пускай ко мне, в мой угол скромный, Идут и жертва и палач” (стихотворение “Здесь счастлив я, здесь я свободен...”, <1897>: *Случевский К. Песни из уголка: 1895–1901. СПб.: А.Ф. Маркс, 1902. С. 7*)» (*Волошин М.А. Собрание сочинений: В 13 т. Т. 2. С. 665*).

<p>Здесь все мое! — Высь небосклона, И солнца лик, и глубь земли, Призыв молитвенного звона, И эти в море корабли;</p> <p>Мои — все села над равниной, Стога, возникшие окрест, Река с болтливою стремниной И всё бывшее этих мест... (с. 343)</p>	<p>Здесь вся земля от века сведена. И та же страсть, и тот же мрачный гений В борьбе племён и в смене поколе- ний. <...></p> <p>Доселе грезят берега мои Смолёные ахейские лады, И мёртвых кличет голос Одиссея, И киммерийская глухая мгла На всех путях и долах залегла, Провалами беспамятства чернея. Наносы рек на сажень глубины Насыщены камнями, черепками, Могильниками, пеплом, костяками.</p>
<p>Сад весь к лазури обращен — К лицу двух рек и лику моря. (с. 248)</p> <p>Пускай ко мне, в мой угол скромный, Идут и жертва и палач... (с. 248)</p> <p>Нет! Приходи в мой сад скорей С твоей отравленной душою; Близ скромных, искренних людей Ты приобщишься к их покою. (с. 249)</p> <p>Ну-ка, пожалуй в мой дом, горемыка... Что? Не желаешь? Не любо! Чудак! (с. 307)</p>	<p>Всей грудью к морю, прямо на восток, Обращена, как церковь, мастерская...</p> <p>Фанатики непримиримых вер — Искали здесь, под кровлею поэта, Убежища, защиты и совета. <...></p> <p>И снова человеческий поток Сквозь дверь её течёт, не иссякая. Войди, мой гость, стяхни житей- ский прах <...></p>
<p>В мысли и в сердце я весел глубоко, Тайну веселья познав, но сокрыв. (с. 355)</p>	<p>В уединеньи выплавить свой дух И выстрадать великое познание.</p>
<p>Во мне спокойно спят гиганты, Те, что вступали с небом в бой: Ветхозаветные пророки, Изида с птичьей головой <...></p> <p>И все они, как будто зерна В своих скорлупках по весне, В свой срок способны раскрываться И жить, не в первый раз, во мне!</p>	<p>Поэтому живи текущим днём. Благослови свой синий окоём. Будь прост, как ветер, неистощим, как море, И памятью насыщен, как земля. Люби далёкий парус корабля И песню волн, шумящих на просторе. Весь трепет жизни всех веков и рас Живёт в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас.</p>

Но, конечно, любопытны не просто сами текстовые переклички.

Хотя М.А. Волошин и приглашает читателя «переступить порог» дома, граница между внешним миром и домом мнимая. Описание самого дома по объему оказывается минимальным, если сопоставить его с тем, что видится за его окном, как и, по сути, должно быть, когда сопоставляется дом и целая Вселенная:

Дверь отперта. Переступи порог.
Мой дом раскрыт навстречу всех дорог.
В прохладных кельях, беленных известью,
Вздыхает ветер, живёт глухой раскат
Волны, взмывающей на берег плоский,
Полынный дух и жёсткий треск цикад.
А за окном расплавленное море
Горит парчей в лазоревом просторе¹⁹.

Описание дома практически сводится к упоминанию выбеленных келий/комнат, мастерской, головы царицы Таиах и полок книг, ибо речь в стихотворении идет не столько о «доме», сколько о судьбе поэта – и даже шире – человеческого «я» в мировой истории, о которой свидетельствует всё вокруг.

Интересно и совпадение некоторых философских установок, несмотря на то, что К.К. Случевский более ироничен, а М.А. Волошин более аскетически серьезен: общим оказывается дух стоицизма, фатализма, понимания относительности всего существования, не сводимости бытия к одному, пусть и поэтическому «я», оправданность этого «я» причастностью всему миру, к приятию этого мира и всепрощению всех и вся – и в прошлом, и в настоящем, и в будущем. Однако у Случевского сильнее, чем у Волошина, ощущение эфемерности всего земного, включая попытки «овеществить воспоминания», сохраняя те или иные прежде дорогие вещи. Вот почему, при общем памятовании одного и того же стиха из Евангелия от Матфея (6:19: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут»), Волошин и Случевский акцентируют в нем совершенно разные моменты: Волошин – то чудо, что воры не разграбили его дом («Счастливым жребий дом мой не оставил./ Ни власть не отняла, ни враг не сжёг, / Не предал друг, грабитель не ограбил...»), а К.К. Случевский – на бесполезности что-либо уберечь от тления («Не храни ты ни бронзы, ни книг...»).

¹⁹ *Волошин М.А.* Собрание сочинений: В 13 т. Т. 2. С. 78.

Именно поэтому дом, Уголок для К.К. Случевского, как автора «Загробных песен», не более чем лишь «тело», «куколка», из которой рано или поздно выпорхнет, как бабочка, душа поэта, которую никому не уловить. Для его души истинным «домом» оказывается не «земной дом», пусть даже «дом поэта», а мир потусторонний. В «Песнях из Уголка» этот потусторонний мир представляется в стихотворном «эпиграфе» к книге (в принципе, таком же посвящении – дружеском послании, как открывавшее «Сумерки» Е.А. Братынского стихотворение «Князю Петру Андреевичу Вяземскому») как Валгалла древних скандинавов, где обретают вечное жилище герои («Мы — разных областей мышленья...»). А в итоговых «Загробных песнях»²⁰ – это уже христиански осмысленный потусторонний мир, царство вечных идей. Недаром теперь дом, воздвигнутый в душе («По долговременном исканье / Я дом воздвиг в моем сознание!...», с. 384), остается нетленным и неразрушимым по смерти и также открытым для встреч и впечатлений:

А дом для жизни, воздвигал!
И я сумел в нем поселиться,
На вечность, навсегда я тут...
Один пока, но путь пылится,
К нему и едут, и идут. (с. 384)

Божий Дом вмещает всех и вся – недаром К.К. Случевский берет для эпиграфа к стихотворению «Как прав я был, в бессмертье веря...» евангельские строки «В дому Отца Моего обители мнози» (Иоанн 14, 2). Этот дом вечности – истинный дом для «поэтов духа», тех, кто понял тщетность всех земных устроений и чаяний:

О! вы скажите мне: чего, чего здесь нет?!
В чем дом бессмертия иль пуст, иль недостроен ?
И в этом смысле я полнейший домосед,
И в лоне вечности, со всем, что есть, — освоен...
Мне речи синих волн, мне сумерек покой,
И чувства всех сердец, и всех умов исканья,
Веков отсчитанных понятный, ясный строй,
И очагов огня великие сверканья!
Везде, всегда я свой; мне камень говорит,
Мне шепоты миров, мне шалости зарницы,

²⁰ См.: Случевский К.К. Загробные песни // Случевский К.К. Стихотворения и поэмы / Вступ. статья, сост., подготовка текста и прим. Е.А. Тахо-Годи. С. 347–450.

И шумы тех пространств, где Бог еще творит
И жизнь разворачивает новые страницы...
Все близкие при мне; придут, кого здесь нет!
Сказать я не могу, насколько обеспечен;
Бессмертная душа, я истый домосед,
Мой дом, он дом для всех — бессчетен, бесконечен...
(с. 387)

Так в сознании поэта-предсимволиста вполне традиционный мотив «дома» и «дома поэта» приобретает религиозно-философское осмысление.

Список литературы

1. *Алехина С.Н.* Дом – Человек – Вселенная в русской ментальности. М.: РГСУ «Союз», 2007. 210 с.
2. *Алехина С.Н.* Идея Дома в русской философии. Автореферат дис. ... канд. филос. наук. Курск, 2004. 21 с.
3. *Альми И.Л.* Сборник Е.А. Баратынского «Сумерки» как лирическое единство // Вопросы литературы. Метод. Стил. Поэтика. Вып. 8. Владимир, 1973. С. 23–28.
4. *Архиппов Е.Я.* Рассыпанный стеклярус. Сочинения и письма: В 2 т. / Сост., подгот. текста, статья и коммент. Т.Ф. Нешумовой. Т. 2: Письма. М.: Водолей, 2016. 832 с.
5. *Батюшков К.Н.* Опыты в стихах и прозе / Издание подготовила И.М. Семенко. М.: Наука, 1977. 607 с. (Сер. «Литературные памятники»).
6. *Волошин М.А.* Собрание сочинений / Под общей редакцией В.П. Купченко и А.В. Лаврова, коммент. В.П. Купченко: В 13 т. Т. 2: Стихотворения и поэмы 1891–1931. М.: Элис Лак, 2004. 768 с.
7. *Вяземский П.А.* Стихотворения / Вступ. ст. Л.Я. Гинзбург, сост., подг. текста и прим. К.А. Кумпан. Л.: Советский писатель, 1986. 555 с. (Сер. «Библиотека поэта»).
8. *Галимуллина А.Ф.* Образ Дома в поэзии Г.Р. Державина и М.Н. Муравьева // Муравьев и его время: сб. статей круглого стола «Муравьев и его время» / Под ред. А.Н. Пашкурова и А.Ф. Галимуллиной. Вып. 5. Ч. 2. Казань: РИЦ «Школа», 2008. С. 88–107.
9. *Дарвин М.Н.* Художественный мир «Сумерек» Е.А. Баратынского // Дарвин М.Н. Русский лирический цикл. Красноярск, 1988. С. 97–119.
10. *Зыкова Е.П.* Поэма/стихотворение о сельской усадьбе в русской поэзии XVIII – начала XIX вв. // Сельская усадьба в русской поэзии

XVIII – начала XIX века / Сост., вст. ст. и комм. Е.П. Зыковой. М.: Наука, 2005. С. 3–36.

11. *Ключевский В.О.* Курс русской истории // Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. 1. М.: Мысль, 1987. 432 с.

12. *Лебедев Е.Н.* Тризна: книга о Е.А. Боратынском. СПб.; М: Летний сад, 2000. 288 с.

13. *Радомская Т.И.* Дом и Отечество в русской классической литературе первой трети XIX в.: Опыт духовного, семейного, государственного устройства. М.: Совпадение, 2006. 237 с.

14. *Розанов В.В.* Попы, жандармы и Блок // Новое время. 1909. № 11. 16 февраля.

15. *Рудакова С.В.* Книга стихов «Сумерки» Е.А. Боратынского как лирическое единство. Saarbrücken: LAP LAMBERT, 2011. 250 с.

16. *Рымарович С.Н.* Дом в философской картине мира // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2012. № 2 (102). С. 120–124.

17. *Случевский К.К.* Стихотворения и поэмы / Вступ. статья, сост., подготовка текста и прим. Е.А. Тахо-Годи. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2004. 816 с. (Сер. «Новая Библиотека поэта»).

18. *Степанов Ю.С.* Константы: словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2004. 991 с.

19. *Тахо-Годи Е.А.* Мотив «уголка» в поэтической символике «Песен» К.К. Случевского // Целостность и внутренняя организация в произведениях русской литературы XIX – начала XX века. Межвузовский сборник Дагестанского государственного университета. Махачкала: ДГУ, 1993. С. 64–79.

20. *Тахо-Годи Е.А.* Константин Случевский: портрет на пушкинском фоне. СПб.: Алетейя, 2000. 400 с.

21. *Тахо-Годи Е.А.* Некоторые размышления о концепте «угол» // Colloquium: Международный сборник научных статей / Под ред. У. Перси, А.В. Полонского. Белгород – Бергамо: БелГУ, 2005. С. 59–78.

СНЫ, ВИДЕНИЯ И КОШМАРЫ К.К. СЛУЧЕВСКОГО

Т. Смородинская
Миддлбери колледж

И сам я в жизни что такое?
Мне снится: я один живу,
Весь мир – мое лишь сновиденье,
Моя же греза – наяву!

К.К. Случевский
«От горизонта поднимаясь...»

Аннотация: Автор ставит целью продемонстрировать на примере использования сна как литературного приема противоречия в творчестве К.К. Случевского, которые во многом определили его литературную судьбу. Сновидения играют важную роль в произведениях Случевского, но в поэзии и прозе выполняют разные функции и служат различным целям. В поэзии – сны и кошмарные видения были «порталом» в иной мир, проявлением подсознания, или синонимом мечты, что отвечало творческим поискам русского модернизма и продолжало традиции русской поэзии. В прозе описания сновидений были необходимы для выражения взглядов автора на психиатрию, науку, вопросы морали и нравственности.

Ключевые слова: К.К. Случевский, сон в литературе, сумасшествие, символизм, подсознание, психиатрия.

Сновидение – один из самых древних литературных приемов. В разные эпохи интерес к снам и их роль в художественном тексте менялись. В XIX веке сны становятся важным приемом характеристики персонажа, психологической мотивации его поступков, выражают авторскую позицию, используются для духовных откровений или для описания утопического будущего. На рубеже веков символисты